

А. Л. ЯКОБСОН

К ИСТОРИИ РУССКО-КОРСУНСКИХ СВЯЗЕЙ
(XI—XIV вв.)

Русь и Корсунь — это старая тема, но до сих пор она продолжает оставаться слабо разработанной. Исследование этой проблемы обычно ограничивалось периодом X в. и посвящено было тем отношениям, о которых позволяет говорить трактат Константина Багрянородного, и тем политическим связям Византии и Руси, которые велись через Херсон и о которых рассказывают византийские источники и русские летописи. Особое внимание, естественно, уделялось русскому походу на Корсунь при Владимире — русско-византийской войне, завершившейся победой Русского государства, и тем большим политическим и культурным последствиям, которые имели эти события для Руси. Эти вопросы более или менее освещены в литературе¹, и мы не будем здесь к ним возвращаться.

Одну сторону дела, на которую до сих пор не обращали внимания, следует, однако, оттенить, а именно — рассматривая вопрос о связях Руси и Корсуни в X в., нужно иметь в виду, что в сфере материальной культуры эти связи, судя по наличному материалу, совершенно не нашли отражения. Многолетние раскопки Херсонеса до сих пор не дали ни одного предмета IX—X вв. собственно славянского происхождения. А тот единственный серый горшок со сплошным рифлением и клеймом на днище², который ряд исследователей Крыма склонны считать русским, на самом деле является типичным для поселений так называемой салтовской культуры — культуры поселений VIII—IX вв. в лесостепных районах бассейна Дона³, в том числе и для поселений восточной Таврики, и с собственно славянской культурой не связан. Вряд ли такое полное отсутствие предметов славянской культуры (не только керамики) в Херсоне IX—X вв. случайно. Не случайно и то, что в древнерусских городах находки херсоно-византийских монет конца IX и X в., чеканившихся тогда в Херсоне в большом количестве, очень редки⁴. Возникает сомнение

¹ См. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, гл. VII. Ср. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, № 17, 1950, стр. 12—14.

² А. К. Тахтай. Раскопки херсонесского некрополя в 1937 г., Хсб, IV, 1948, стр. 40, рис. 7 и 8. В искаженном виде сосуд воспроизведен в кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, стр. 591.

³ Культура эта известна по таким памятникам, как Салтовский могильник близ Харькова, нижние слои городища Саркела на среднем Дону и Маяцкое городище в верховьях Дона. См. И. И. Ляпушкин. Памятники Салтово-Маяцкой культуры. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I, 1958.

⁴ Известен лишь один клад, найденный в 1908 г. на горе Киселевке и состоящий из 37 монет, главным образом Василия I (28 экз.), а также Романа I, Романа II

в интенсивности и систематичности торговых связей между Русью и Корсунью в X в. Эти связи скорее являлись опосредствованными, так как велись через печенегов, добывавших, по Константину Багрянородному, на Руси сырье и свозивших его в Херсон. Русские торговые караваны направлялись, вероятно, в большинстве случаев непосредственно в Царьград (о чем нам говорят русско-греческие договоры), оставляя Корсунь в стороне, вынужденные к этому, возможно, политической обстановкой.

Так или иначе, ни в письменных источниках, ни среди вещественных памятников мы не находим убедительных данных, которые свидетельствовали бы о налаженных торговых и культурных отношениях Киевской Руси с Корсунью в период, предшествующий походу Владимира⁵.

Не наладились и тем более не усилились эти связи и после победы Русского государства в конце X в. Тому было несколько причин. Во-первых, в конце X и в XI столетии Корсунь вообще не могла особенно привлекать русских купцов, поскольку их причерноморская торговля направлялась в другой порт, теперь всецело принадлежавший Руси, — Тмутаракань, которая в новой обстановке стала быстро расти и развиваться и вскоре приобрела значение важного экономического центра Северо-Восточного Причерноморья. Во-вторых, Русское государство, получив возможность в результате победы над Византией закрепиться в Восточной Таврике, вместе с тем обязалось, по-видимому, отступить от Корсуни, освободить ее и не добиваться экономического и политического влияния в этом районе. В-третьих, торговые связи Руси с Корсунью были временно сильно затруднены и печенегами, набеги которых участились как раз в конце X и в первые десятилетия XI в.⁶, а позднее — с 1061 г. — половцами⁷. Но даже за время спада половецкой активности и некоторого затишья в степи, наступившего в конце 60-х годов и продолжавшегося до начала 90-х годов XI в.⁸, русско-корсунские связи также, по-видимому, не успели развиться и окрепнуть⁹. По крайней мере, ни одного факта, который указывал бы на наличие таких связей в XI в. — торговых или культурных, — ни в письменных источниках, ни среди вещественных материалов мы не знаем. Не относятся сюда и найденные в Херсоне русские кресты, так как они более позднего времени (о них см. ниже). Ничего не говорят о русско-корсунских связях и круглые витые браслеты и шиферные пряслица. Ради устранения возможных недоразумений остановимся на этих двух группах материала.

Сначала о браслетах. Оставляя в стороне треугольные в сечении

и Никифора Фоки (см. „Розкопи в Київї на горї Кїсілівцї в 1940 р.“. Археологія, I, 1947, стр. 146). Отдельные херсоно-византийские монеты были найдены в Киеве в 1883 г. на Мало-Владимирской ул. (монета Василия I; см. В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ., М., 1895, стр. 38) и в Триполье (монеты Василия I и Романа I; см. В. Б. Антонович. О монетныхкладах, найденных в Киеве и его окрестностях. Чтения в Обществе Нестора Летописца, кн. 2, Киев, 1888, стр. 17).

⁵ Не может служить указанием на такие сношения (тем более систематические) и известное сообщение Паннонского жителя Константина Философа о том, что он в 60-х годах IX в. встретил в Херсоне человека, владеющего русским языком. Такое указание имеет очень ограниченное значение, так как касается только одного человека, а кроме того, это мог быть и не русский, а только владеющий русским языком.

⁶ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы. Киевские университетские известия, 1883, № 5, стр. 230—234; ПСРЛ, I, ст. 151 (под 1036 г.); II, ст. 138—139 (под 1034 г.).

⁷ ПСРЛ, I, ст. 163; II, ст. 152.

⁸ П. Голубовский. Ук. соч., стр. 237 сл.

⁹ Не указывает, конечно, на такие связи и относящийся к концу XI в. факт угона на продажу в Херсон русских пленников-рабов, о чем сообщает Киево-Печерский патерик (Патерик Киево-Печерского монастыря, СПб., 1911, стр. 78—79).

браслеты из синего, очень чистого стекла и квадратные в сечении, относящиеся по условиям находки к IX—X вв., обратимся к хронологически следующей группе круглых и витых браслетов, бытовавших в Херсоне в течение XI—XIII вв. Они встречаются довольно часто и действительно очень похожи на браслеты, обычные в домонгольских слоях древнерусских городищ и связанных с ними могильниках¹⁰. Но, во-первых, браслеты такой же формы, особенно витые, были характерны не только для древней Руси: витые стеклянные браслеты широко бытовали и в Закавказье — находки их были обычны, например, в слоях XI—XII вв. Байлакана (городище Орен-кала) в Азербайджане. Во-вторых, технологический анализ херсонесских и древнерусских браслетов показал существенную разницу между теми и другими, исключающую общее происхождение их¹¹. Таким образом, предположение о русском происхождении таких браслетов не может быть принято.

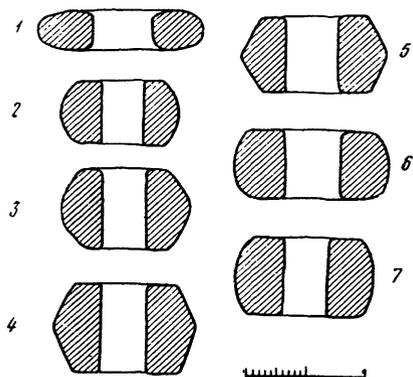

Рис. 1. Средневековые шиферные пряслица из Херсонеса

красного (лилового) шифера, напоминающего овручский, зарегистрировано очень немного пряслиц — всего 30 экз. и, кроме того, 18 беспаспортных (из раскопок К. Косцюшко). Во-вторых, шиферные пряслица, как видно на рис. 1, отнюдь не однородны по форме: некоторые из них более или менее плоские (2511/09, 3236/09, 5/14 и др., таких большинство), или овальные в сечении (например, 1198/13), или приближающиеся по форме к древнерусским (овручским) — бочковидные или бипирамидальные, но таких всего 9 экз. В-третьих, что особенно важно, их хронология, судя по условиям находки и сопровождающему материалу, большей частью не совпадает с хронологией овручских пряслиц, обычно относимых к XI—XIII вв. Ввиду важности этого материала приводим все имеющиеся данные, которые мы свели в таблицу, напечатанную в конце статьи. В нее включено 26 пряслиц из раскопа в северо-восточной части городища, 4 — из раскопов в северном прибрежном районе (раскопки 1931—1937 гг.) и 18 беспаспортных. Паспорта 14 пряслиц из 30 паспортизованных недостаточно определены, поэтому использовать эти паспорта для датировки пряслиц затруднительно. Из остальных 16 экз. 13 пряслиц из лилового шифера найдены в слое, датируемом монетами IX—X вв. Этот слой очень хорошо выражен, и дата его никакого сомнения не вызы-

Несколько слов относительно пряслиц. Мы просмотрели в фондах Государственного Херсонесского историко-археологического музея (ГХМ) все паспортизованные пряслица из раскопок в северо-восточной части городища (за время с 1908 по 1914 г. их найдено там, по описи, 82 экз.) и в северном прибрежном районе (за время с 1931 по 1937 г. их найдено там, по описи, 41 экз.) — всего 123 экз., включая и античные.

Просмотр этого материала показал следующее. Во-первых, подавляющее большинство пряслиц — глиняные или из серого или черного камня. Из

¹⁰ Г. Ф. Соловьева и В. В. Кропоткин. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. КСИИМК, XLIX, 1953, стр. 21—24.

¹¹ М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 210—211.

вает. И только 3 пряслица найдены в верхнем слое и, следовательно, бытовали в XII—XIII вв. Наши личные наблюдения во время раскопок 1941, 1947 и 1948 гг. убеждают, что такое соотношение двух хронологических групп пряслиц не случайно. Конечно, представленный материал еще слишком ограничен и в целом плохо документирован и поэтому недостаточен для окончательных заключений. Но вместе с тем пренебрегать им невозможно. Несомненно одно: пряслица из лилового шифера, напоминающие по материалу и форме древнерусские, появляются в Херсоне уже в X в., а для последующего времени менее характерны. При этом возникает вопрос, можно ли считать окончательно установленным, что материал этих пряслиц действительно овручский шифер, а не шифер из какого-либо другого, более близкого к Крыму месторождения.

Но если все же торговые и культурные сношения Корсуни с Киевской Русью в XI в. и могли иметь место, если Корсунь в те времена могла служить транзитным пунктом для морских торговых караванов русских купцов, направлявшихся в Тмутаракань, хотя все это и не отразилось в имеющихся источниках, то в конце XI в. возможности для этого полностью исчезли. В 1094 г. в последний раз русская летопись упоминает Тмутараканское княжество¹², приблизительно в то время прекратившее свое существование: Киевская Русь, таким образом, лишилась своего экономического и политического форпоста в Причерноморье. В это же самое время, в конце XI в., в причерноморской торговле на некоторое время обладали венецианцы, широко использовавшие торговую монополию в причерноморских портах, которую они вырвали у ослабевшей Византии в 1082 г.¹³ В результате этих событий в Таврике сложилась новая историческая ситуация, резко изменившая положение дел: с тех пор и вплоть до XIII в. сношения Руси с Таврикой вообще, и в частности с Корсунью, прекратились, по-видимому, полностью. К такому заключению ведет не только смысл тех событий, о которых только что говорилось, — этот вывод подтверждают вещественные (археологические) материалы, вернее — отсутствие их: ни одного памятника XI и XII вв. (по крайней мере первой половины XII столетия) русского происхождения в Корсуни не известно.

Тем интереснее, что такие памятники появляются, и притом в не малом количестве, на протяжении следующего столетия — в XIII в. Сюда прежде всего относятся так называемые новгородские гривны; именно с этим временем связаны русские горшки и другие сосуды; не менее симптоматичны находки русских энколпионов и других крестов. Это — единичные находки, но в целом они образуют значительную группу памятников, знаменующих определенное историческое явление.

На каждой из этих групп вещей следует хотя бы кратко остановиться отдельно. Серебряные гривны в виде палочек¹⁴ принадлежат хорошо известному новгородскому типу XII и XIII вв., имевшему хождение, правда,

¹² ПСРА, I, ст. 226.

¹³ Аннае Сомпенае Alexias, VI, 5 (ed. Teubn., 1884, p. 197; русский пер. в изд. С.-Петербургской духовной академии, 1862, стр. 271 сл.).

¹⁴ В Херсонесе их найдено 12 — все в одном помещении в западной части городища. См. ОАК за 1889 г., стр. 14; А. В. Орешников. Опись серебряным монетным слиткам из собр. Российского исторического музея. Труды Моск. нумизмат. общества, II, М., 1901, стр. 216, табл. IV, 1. А. В. Орешников предполагает, что гривны эти — местного херсонского происхождения и изготовлены для торговли с Русью (там же, стр. 216). Но в таком случае остается непонятным, почему в Херсоне избрали за образец среднерусский и северный тип гривны, а не киевский, хотя с Поднепровьем Херсон был, конечно, теснее связан, чем с далеким Севером. Предположение А. В. Орешникова нам представляется маловероятным.

далеко не только в Новгороде, а потому связывать такие гривны исключительно с этим городом и его областью невозможно¹⁵. Следует при этом оговорить, что со временем легендарного князя Бравлина из Новаграда, совершавшего, как сообщает славянская редакция Жития Стефана Сурожского, походы на южную Таврику («плени от Корсуна до Корча»)¹⁶, эти гривны ничего не имеют общего. Во-первых, походы Бравлина относятся еще к IX в., а во-вторых, маловероятны походы в Крым с далекого Севера¹⁷.

Не менее ясные указания дают русские кресты-энколпионы, найденные в Херсоне. Всего таких крестов насчитывается, как выяснила Г. Ф. Корзухина, 12¹⁸. Два из них найдены в одном из северных кварталов городища (кв. XVII, раскопки 1940 г.), имеют славянские надписи¹⁹ и несомненно происходят из поднепровских городов Киевской Руси, скорее всего из самого Киева, где находят себе многочисленные и точные аналогии²⁰.

Время изготовления этих крестов — 30-е годы XIII в.²¹ Место находки остальных русских энколпионов из Херсона неизвестно²². Все они датируются в пределах XII и первой половины XIII в.²³

Особо следует отметить большой медный шестиконечный киотный крест, найденный в Херсоне на том же участке, где и два русских энколпиона (квартал XVII), в помещении, принадлежавшем соседней усадьбе. Крест этот²⁴ также несомненно русский, поскольку на нем изображены князья Борис и Глеб, канонизированные вскоре после их смерти в 1015 г. Общий тип и композиция его находят себе аналогии среди крестов, найденных на Княжьей Горе²⁵, и, судя по всем признакам (в том числе и палеографическим), относится к концу XII или к XIII в.

К группе церковных предметов XIII в. относятся и ажурные литые цепи от хоросов. Несколько фрагментов таких цепей найдено при дореволюционных раскопках К. Косцюшко (рис. 2, а), почти полная цепь происходит из помещения IV на участке раскопок 1932 г.²⁶, один фрагмент — из раскопок 1940 г. (смещение 10 в квартале XVII и почти рядом с помещением, где были найдены русские кресты) (рис. 2, б)²⁷. Все эти цепи абсолютно одинаковы и изготовлены, по-видимому, в одной матрице. Фрагменты совершенно тождественных цепей неоднократно находились

¹⁵ См. А. И. Черепнин. О гривенной денежной системе по древним кладам. Труды Московского нумизмат. общества, II, 1901, стр. 202—205; А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 6, М., 1936, стр. 20—23.

¹⁶ См. В. Г. Васильевский. Труды, т. III, 1915, стр. 95.

¹⁷ Единственное указание на торговые сношения Крыма с Новгородом в XII в. содержится в Сказании о житии Антония Римлянина («Православный собеседник», т. II, Казань, 1858, стр. 165).

¹⁸ Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. См. в настоящем томе, стр. 135—136.

¹⁹ Подробнее см. наш отчет о раскопках указанного квартала: МИА, № 34, 1953, стр. 138.

²⁰ См. ук. статью Г. Ф. Корзухиной.

²¹ Б. А. Рыбаков. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. Записки МГУ (серия «История», кн. 1), М., 1946, стр. 90.

²² Только в отношении некоторых известен год находки и, следовательно, можно определить район городища, где был найден соответствующий крест, но этого, конечно, недостаточно.

²³ См. ук. статью Г. Ф. Корзухиной.

²⁴ Подробнее о кресте см. МИА, № 34, 1953, стр. 147.

²⁵ См. Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. I. Киев, 1899, табл. IV, 46; ср. табл. II, 41, 42.

²⁶ См. МИА, № 4, 1941, стр. 248 и рис. 77.

²⁷ См. МИА, № 34, 1953, стр. 153.

в древнерусских городах²⁸. Частые находки там таких цепей склоняют к предположению, что и они привозились в Херсон из русских поднепровских городов.

Для интересующей нас темы очень важна керамика. Из четырех привлекаемых нами сосудов один — это целый горшок²⁹, тулово которого резко сужается книзу; венчик сильно выделен, к нему примыкала небольшая кольцевидная ручка; плечики украшены простым рифлением и рядами ямочек под ним (рис. 3, а); черепок темно-серый. Обломок верхней части

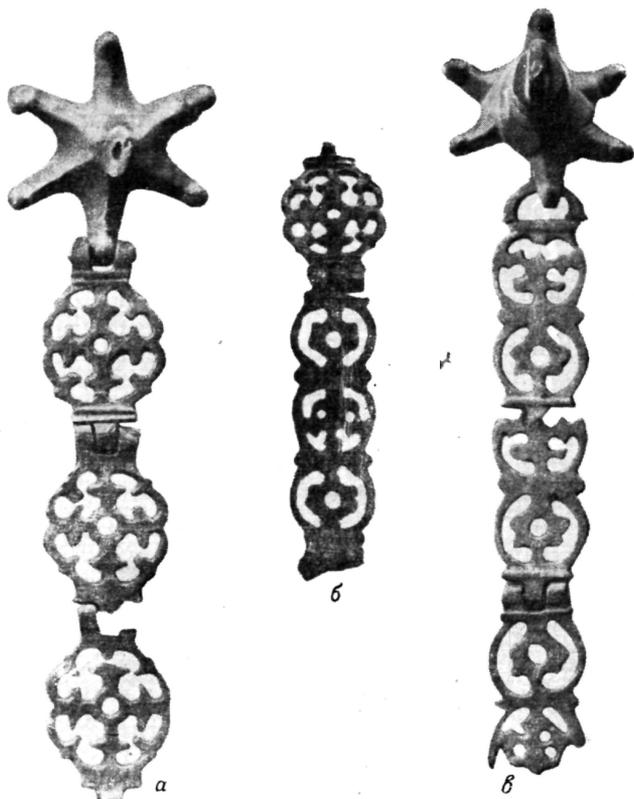

Рис. 2. Цепи от хороса

а — из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, б, в — из раскопок 1940 г.

аналогичного горшка, украшенного ногтевидным орнаментом и волной (рис. 3, г), найден в квартале XVIII³⁰. Третий сосуд — это типичный для киевской предмонгольской керамики небольшой корчажец (сохранившаяся высота — 16,5 см, диаметр — 11 см) с бочковидным туловом и двумя симметричными ручками-ушками (рис. 3, в)³¹. Четвертый сосуд (рис. 3, б) — это горшок с шаровидным корпусом, украшенным зоной рифления; венчик имеет в профиле уступ («бережок»), столь характерный для славянской керамики.

²⁸ Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. VI, 208 и VIII, 227; Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915, табл. XIII, 5.

²⁹ № 17207 инв. 25 г., беспаспортный, из находок К. Косцюшко-Валюжинича.

³⁰ См. МИА, № 34, рис. 76 (стр. 224).

³¹ Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, номер стержа. Беспаспортный.

Форма приведенных сосудов характерна вообще для восточнославянской керамики XI—XIII вв. (широкое, сильно сужающееся к низу тулово, довольно резко отогнутый простой, чаще непрофилированный венчик, украшения в верхней части тулова в виде толстого прямого рифления, нередко гребенчатой волной — одинарной или двойной). Среди такого рода многочисленных русских горшков, большей частью происходящих из раскопок городищ, ясно выделяются горшки так называемого

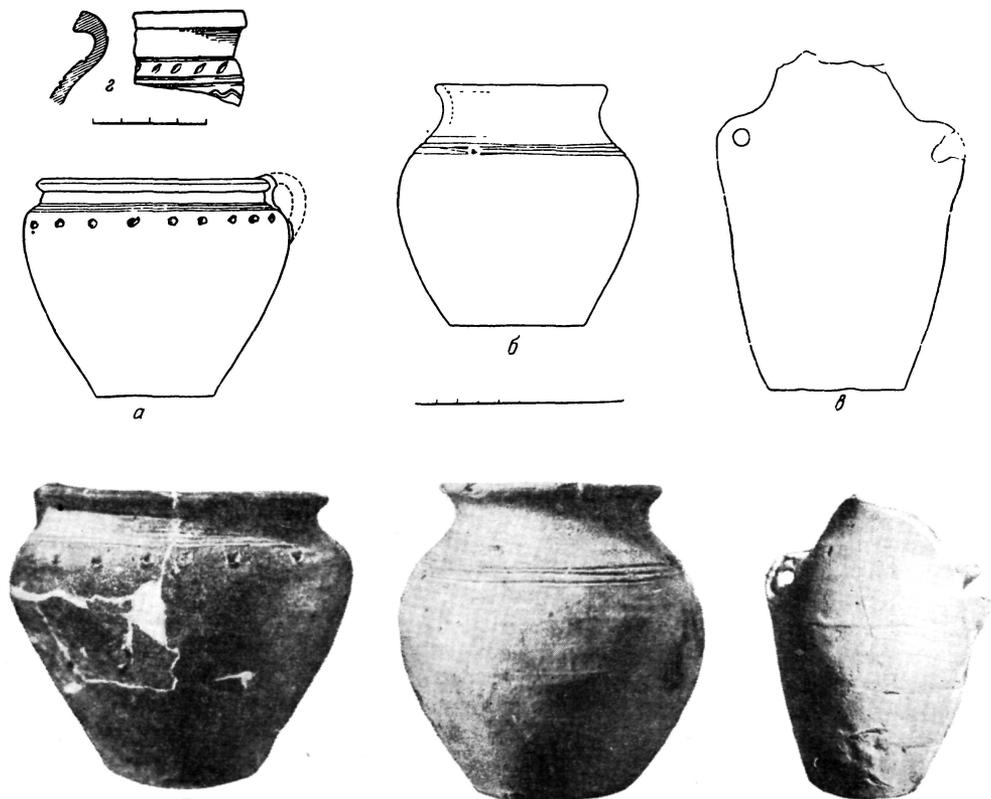

Рис. 3. Русские сосуды из Херсонеса

а — горшок № 17207; б — горшок № 17140; в — корчажец «киевского типа», без номера, из раскопок К. К. Косюшко-Валюжинича; з — обломок горшка с ногтевым орнаментом, из раскопок 1940 г.

киевского типа, для которых характерны миниатюрные ручки у основания венчика³², придающие локальную особенность данной группе древнерусской приднепровской керамики. Именно к этой группе принадлежит

³² К сожалению, эта керамика редко издавалась, хотя в музейных коллекциях она представлена широко. См., например, Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V, табл. XXXIX, 1358; XL, 1375. В. Ф. Ржигала. Очерки по истории быта домонгольской Руси. Труды ГИМ, вып. 5, М., 1929, стр. 39. Аналогичные горшки встречались на Ковшаровском городище (см. А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Смоленск, 1926, табл. III, 2; IV, 1). Выразительную серию таких горшков дали раскопанные М. К. Каргером в 1938—1939 гг. землянки в Киеве на территории усадьбы бывш. Михайловского монастыря и Владимирова города М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, рис. 8 (на стр. 22; ср. рис. 25, 26, 28 и 129).

и горшок из Херсона. Тождество с поднепровскими горшками исключает сомнение в его русском происхождении: очевидно, он был привезен из какого-либо поднепровского города или сделан в Херсоне русским гончаром, переселившимся сюда из Поднепровья. Дата таких горшков определяется по месту и условиям их находок — непосредственно предмонгольским временам, т. е. первой половиной XIII в., хотя форма их, очевидно, была выработана раньше³³. В полной мере это можно сказать и об упомянутом корчажке, также относящемся к киевскому типу с ушками-держалками³⁴.

Очень типичен для русской домонгольской керамики и четвертый сосуд, изображенный на рис. 3, б.

Конечно, если говорить о древнерусских культурных связях с Таврикой в целом, то, очевидно, нельзя ограничиться указанными сосудами русского происхождения в Херсоне. Нельзя обойти и бросающееся в глаза сходство большой группы древнерусских корчаг XIII в. с обычными в Северном Причерноморье XII—XIII вв. амфорами. Речь идет, собственно, о двух типах их: один из них — это сравнительно большой сосуд с широким бороздчатым корпусом, приближающимся к яйцевидному, низким горлом и дуговидными ручками, поднимающимся над горлом. Они бывали и для жидкостей и для сыпучих тел и назывались на Руси корчагами. Такого рода амфоры часто встречаются при раскопках городов Киевской Руси — в Бакожине, Воини, Райках (близ Бердичева), в самом Киеве (рис. 4, б) и севернее — в Смоленской области (на Ковшаровском городище)³⁵ (рис. 4, а). По условию находок и сопровождающему материалу такие корчаги можно отнести к концу XII — первой половине XIII в., т. е. к предмонгольскому времени. Другой, не менее распространенный тип — это амфора, обычно меньшего размера, с вытянутым туловом, более или менее грушевидным, с узким округлым дном и сравнительно высоким горлом и высокими, также дуговидными ручками, прямо поднимающимися над корпусом, а затем опускающимися к венчику горла (рис. 4, г)³⁶.

Обе эти формы среди византийской (царьградской) керамики, насколько знаю, неизвестны, зато они, как сказано, очень типичны для Северного Причерноморья: их постоянно находят в верхнем слое Херсонесского городища, датируемого в пределах XII—XIII и отчасти XIV в. (рис. 4, в, д), в верхнем слое Эски-Кермен, погибшего, как это выяснил Н. И. Репников, в конце XIII в.³⁷ В этом сходстве типов амфор проявилась, очевидно, определенная связь ремесленного производства Киевской

³³ Уже в X в. эта форма представлена в Гнездовском могильнике. См. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ. Материалы по археологии России (МАР), вып. 28. СПб., 1902, стр. 114 сл.

³⁴ Ср. М. К. Каргер. Ук. соч., рис. 129 (стр. 177) — из раскопок жилища I во Владимировом городе.

³⁵ См. А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1950, стр. 343, рис. 12 (бакожинская корчага); И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского дворца древнего града Киева. Киев, 1893, табл. XVII, 99; М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, XXXVIII, 1951, стр. 9; А. Н. Лявданский. Ук. соч., рис. 42 (стр. 237).

³⁶ Такие амфоры см.: Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Поднепровья, вып. V, 1902, табл. XL, 1371; А. Л. Якобсон. Ук. соч., рис. 10, 33—35, стр. 339—340 (по материалам В. Н. Шляпкина из Чернигова); И. А. Хойновский. Ук. соч., табл. XVII, 100 (из Киева); находились они и в Бакожино и на городище Воинь (близ Кременчуга, раскопки В. К. Гончарова в 1957 г.).

³⁷ См. А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 339—340, рис. 10, 33—35; 11, 37—39 (там же приведена соответствующая литература).

Руси с Северным Причерноморьем, то ли выражавшаяся в общении самих ремесленников, то ли установившаяся путем привоза (в качестве тары) самих изделий в города Киевской Руси. Последнее могло приобрести систематический характер.

Конечно, это было результатом не специально русско-корсунских сношений, а вообще связей древнерусских городов с Северным Причерноморьем в широком смысле слова. Хронологически же они охватывали не

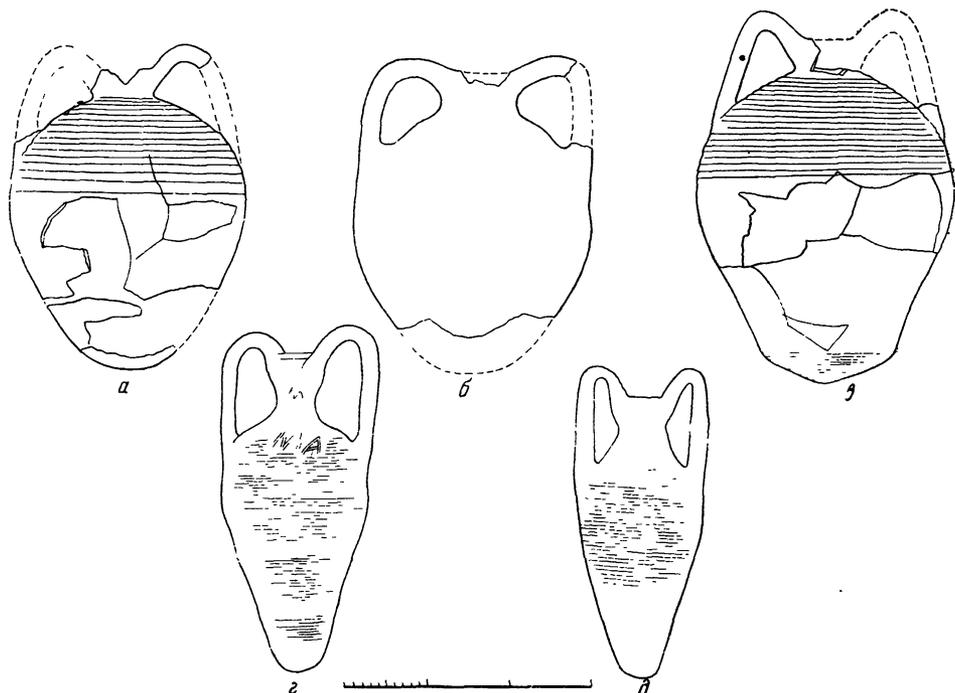

Рис. 4. Древнерусские и херсонесские амфоры

а — из городища Ковшарово (верховье Днепра); б — из землянки на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (раскопки М. К. Каргера в 1949 г.); в — из Херсонеса, квартал XVIII в северной прибрежной части городища; г — из Мстиславова храма во Владимире Волынском (по И. Шляпкину); д — из Херсонеса, квартал I в северо-восточной части городища, № 3419/08.

только XIII, но и XII и XI вв., когда соответствующие типы амфор были весьма распространены во всех северопричерноморских областях — от Корсуни до Тмутаракани и далее к северо-востоку в нижнедонских поселениях Кобякове и Саркеле, ставшем в XI в. русским городом Белой Вежей. Может быть, благодаря ремесленной среде Тмутаракани эти типы амфор и привились в гончарном ремесле поднепровских городов, которые в XI в. были тесно связаны со своим северопричерноморским форпостом.

Но в настоящей статье мы лишь попутно коснулись этого вопроса. В центре нашего внимания — не эти русские амфоры, изготовленные в древнерусских городах, а те сравнительно многочисленные русские изделия, которые найдены в Херсоне—Корсуни, — изделия, несомненно привезенные туда русскими людьми, ибо никакому херсонцу, очевидно, было незачем везти с собой, скажем, из Киева или Чернигова русский

торшск или корчажец и тем более русский энколпион. Кроме того, очевидно, что ни те ни другие не были в Херсоне предметом торговли и попали туда лишь в качестве предметов личного обихода вместе с их владельцами — русскими. О торговле могут свидетельствовать лишь серебряные гривны.

Надо сказать, что некоторые изделия херсонского ремесла попадали в те времена и в Киев. При недавних раскопках М. К. Каргера в Киеве был найден фрагмент поливного кувшина с орнаментальным графическим рисунком (врезной линией) и полихромной расцветкой, довольно полно повторяющими рисунок и расцветку большой группы херсонесских поливных куршинов аналогичной формы³⁸ (какой-то херсонский гончар, как видно, набил себе руку на этом рисунке и повторял его множество раз). Херсонское происхождение этого кувшина не вызывает ни малейшего сомнения. Однако это единичные находки: количество русских вещей в Херсоне значительно больше. Мы вправе видеть в этом отражение факта определенного движения (эмиграции) русского населения в Херсон. Происходило это именно в XIII в. — не раньше и, по-видимому, не позже.

Конечно, о размерах этой эмиграции приведенные вещи ничего сказать не могут, но не исключено, что целый квартал города или, по крайней мере, часть квартала заселили именно русские — выходцы из городов Поднепровья. Так, на участке раскопок 1940 г. (квартал XVII) в двух соседних усадьбах были найдены упоминавшиеся русские энколпионы, относящиеся к 30-м годам XIII в., фрагменты церковных чаш, цепи и держава³⁹, а в одной из этих усадеб — также упоминавшийся русский киотный крест с изображением Бориса и Глеба того же времени⁴⁰. Вероятнее всего, что в этом доме жил священник, обслуживавший церковь, принадлежавшую, судя по киотному кресту, русскому приходу. Настаивать на таком предположении, конечно, нельзя, но наличный материал делает его вполне правомерным. Конечно, русские семьи поселились не только в северных прибрежных кварталах Херсона: судя по местонахождению других русских крестов, они занимали отдельные усадьбы и в других районах города.

Чем было вызвано появление русского населения в Херсоне в столь поздний период? Конечно, не усилением торговых сношений, которые в то время уже не развивались: перспективы для такого развития исчезли, ибо город утратил значение экономического центра Таврики, переместившегося в восточные ее районы (в Сугдею, а затем в Каффу). Да и чем мог торговать с русскими купцами Херсон, лишенный сельскохозяйственной базы и со сравнительно слабо развитым ремеслом? В связи с изменением торговых путей не мог Херсон вести и скольконнибудь значительной транзитной торговли. Хозяйство Херсона становилось все более натуральным, признаки чего постоянно наблюдаются при раскопках.

Русская эмиграция в Херсон вызвана была, полагаем, иными причинами: нашествием татарских орд и непосредственной угрозой страшных татарских набегов, обрушившихся на города Поднепровья в 40-х годах XIII в.⁴¹ Конечно, это не было массовым переселением: наличный материал русского происхождения в Херсоне не столь уж обширен, чтобы

³⁸ МИА, № 17, табл. XVII, № 65.

³⁹ МИА, № 34, стр. 137—139.

⁴⁰ Там же, стр. 147—148.

⁴¹ Ср. МИА, № 34, стр. 158.

Сводка данных о средневековых шиферных пряслицах Херсонеса

№ пряслица на рис. 1	№ порядк.	№ полевой оп. или инв. №	Место находки	Совместно найденный материал	Примечание
1	1	5 14	Пом. XIX, в насыпи	Монеты: Феодосия I — 1 экз., Василия I — 1 экз., Льва VI — 1 экз., Романа I — 1 экз.	Паспорт неопределенный, данных нет
	2	2514 09	Пом. IV с, внизу ямы	Монеты: Романа I — 3 экз., Льва VI — 1 экз.	
	3	1571 11	Пом. XIII, круглая яма	Монеты: Юстиниана I, Романа I	
	4	1718/12	Пом. 12	Монеты IX—X вв.	
	5	317 13	Из ямы	—	
2	6	398/13	В нижнем слое, при скале	Данных нет	—
	7	261/31	Пом. 2, слой 1	—	
3	8	2514,09	Пом. IV с, внизу ямы	Монеты: Романа I — 3 экз., Льва VI — 1 экз.	—
	9—10	Б/№	Б/п	—	
4	11	3269.09	Пом. XXIV, у водостока	Монета Василия I	Какой, не указано
4	12	266/11	В насыпи	Данных нет	
	13	315/11	Пом. VIII, под 3-м полом	" "	
4	14	122/12	Пом. 26	Вместе с поливной керамикой	
	15	379 13	Из ямы под 1-м полом	Данных нет	
5	16—20	Б/№	Б/п	—	
	21	2515.09	Пом. IV с, внизу ямы	Монеты: Романа I — 3 экз., Льва VI — 1 экз.	
	22	1598.11	Пом. XV, на полу ямы	Монета Романа I	
	23	1938/12	Яма, на 1-м полу	Монета Романа I	
	24	385;13	Из ямы под 1-м полом	Данных нет	
	25	2369/37	Пом. IV, слой 2	—	
	26	3152 инв.25 г.	Б/п	—	Слой 2 обозначает слой IX—X вв.

№ пряслица на рис. 1	№ по-рядк.	№ полевой оп. или инв. №	Место находки	Совместно найденный материал	Примечание	
6	27	2511 09	Пом. IV а, на скале	Монета Константина VII Багрянородного Монеты: Василия I и Романа I Поливная керамика	Керамика относится к XIII в.	
	28	3215 09	Пом. XX, ниже нижнего пола			
	29	250/11	Западное помещение С, 1-й пол			
	30—32	376—378/13	Раск. в монастырской ограде, из ямы под 1-м полом	Монета неопределенная		
	33	493/13	Под 1-м полом	Данных нет		
	34	322/14	Пом. XXIII, из колодца	Вместе с коричневой поливой		Поздняя (XIII—XIV вв.)
	35	287/32	Пом. V, слой 1	—		Соответствует XI—XIV вв.
	36	4748/36	Пом. XXI, слой 2	—		Соответствует IX—X вв.
	37—39	Б, №	Б/п	—		
	7	40	2114/11	Пом. XVIII, под 4-м полом		Обломок чернолаковой керамики Монета неопределенная
41		847/14	Пом. I, на краю цистерны			
42		32553 инв. 25 г.	Б/п	—		
43—48		Б, №	Б, п	—		

Всего: 48 экз.

можно было утверждать обратное, но все же он ясно указывает, что эмиграция действительно имела место.

Надо заметить, что русские люди, направлявшиеся в Таврику, оседали не только в Херсоне: русские кресты второй половины XII и XIII в. были найдены и в юго-западном нагорье (на Мангупе)⁴², и на южном побережье (Алуште), и в восточной части полуострова (на городище у сел. Планерского)⁴³, и в Феодосии. Однако во всех этих местах русские находки единичны и не могут сравниться с количеством их в Херсоне.

Нетрудно понять, почему преимущественно в Херсон устремились русские люди. Во-первых, в XIII в. это был наиболее крупный после собственно русских городов центр Восточной Европы, куда еще не дотянулись татарские полчища, — город с единоверным христианским населением, единственный уцелевший в ближайшем соседстве с Киевской Русью. В середине XIII в. еще не был, вероятно, утрачен пиетет к этому некогда славному городу, в котором Владимир принял христианство. Во-вторых, туда было сравнительно легче добраться: по Днепру и затем морем, т. е. водным путем, где было меньше риска подвергнуться татарскому нападению и оказаться в плену.

Так около середины XIII столетия могла возникнуть в Херсоне-Корсуни русская колония, просуществовавшая здесь, по-видимому, до конца жизни города⁴⁴.

⁴² М. А. Тиханова. Дорос—Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, стр. 329.

⁴³ Дело АК, 1887, № 7, лл. 17—23. В. В. Кропоткин. Крест-складень из Коктебеля. СА, XV, 1957, № 2, стр. 257.

⁴⁴ Изложенное выше существенно отличается от того, что мною же было сказано о русско-корсунских отношениях в работе „Средневековый Херсонес“ (МИА, № 17, 1950), написанной еще в предвоенные годы. Мною был неправильно истолкован русско-греческий договор 945 г. (стр. 11—12), в котором на самом деле никаких данных о русско-корсунской торговле не содержится; декларативно говорилось и о существовании таких связей в XI в., хотя и отмечалось, что относящихся сюда фактов слишком мало (стр. 23), но в сущности их нет совсем. Я, правда, указывал, что сношения Руси и Корсуни в самом конце XI в. вообще прервались (стр. 25), но следовало добавить, что и до того они не были развиты. Наконец, была преувеличена роль русского этнического элемента в Корсуни в IX—X вв. (стр. 35), хотя данных о русских жителях в Корсуни того времени в источниках нет вовсе. В связи со всем только что сказанным может только вызвать удивление замечание моего рецензента Е. Ч. Скржинской, обвинившей меня в „антинаучном игнорировании культурных взаимоотношений Херсона и Поднепровья“ (ВВ, VI, 1953, стр. 269). Нетрудно убедиться в неосновательности и предвзятости такого упрека (ср. МИА, № 17, стр. 254).